

В. МАКСИМОВСКИЙ

К. Маркс: выписки из сочинений Макиавелли

ПРЕДИСЛОВИЕ

22 июня 1927 г. исполнилось 400 лет со дня смерти одного из величайших политических мыслителей Никколо Макиавелли. Маркс, получивший основательнейшую политико-юридическую подготовку, несомненно, хорошо знал Макиавелли. В письме к Энгельсу от 25 сентября 1857 г. он пишет, говоря о развитии военного дела в Италии XV века: «Здесь выработались тактические ухищрения (taktische Pfiffe). Кстати, у Макиавелли в его истории Флоренции имеется полное юмора описание способов, какими сражались друг с другом кондотьеры... *Его история Флоренции — высокомастерское произведение*» (курсив наш. — В. М.)*.

Замечание Маркса, очевидно, не осталось бесследным, потому что в 1880 г. Энгельс, характеризуя крупнейших деятелей эпохи Возрождения в старом введении к «Диалектике природы», специально остановился на Макиавелли. Энгельс пишет здесь, что Макиавелли был «государственным деятелем, историком, поэтом и, кроме того, первым достойным упоминания военным писателем нового времени». Здесь имеются в виду, наверное, не только «История Флоренции», но и специально военные работы Макиавелли: книга о военном искусстве («*Dell'arte della guerra*») и ряд записок на военные темы, которые, судя по этому замечанию Энгельса, всегда интересовавшегося военным делом, были ему достаточно известны.

Печатаемые ниже выписки из сочинения Макиавелли «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия» («*Discorsi sopra la prima*

---

* *Карл Маркс, Фридрих Энгельс. Письма.* М.: Московский рабочий, 1922. С. 68.

deca di Tito Livio») находятся в тетрадах Маркса, относящихся к тому времени, когда Маркс, если можно так выразиться, не был еще марксистом. Тем не менее, эти выписки полны самого живого интереса.

Макиавелли жил в эпоху Возрождения и Реформации в республике Флоренции, которая одна из первых в Европе порвала со средневековым варварством и пыталась образовать государство нового типа. Он с юных лет служил на государственной службе: с 1498 по 1512 г. был секретарем правительства республики и много раз командировался в качестве посла или с информационными целями к различным итальянским дворам, во Францию и Германию. До конца жизни, несмотря на свержение республиканского правительства во Флоренции, несмотря на смещение с должности, тюрьму, пытку и временное изгнание, он остался верен своим республиканским взглядам.

В произведениях Макиавелли прекрасно отразилась его эпоха — *переходный период от феодализма к капитализму*.

В экономическом смысле это была эпоха так называемого «первоначального накопления», описанная на бессмертных страницах 24-й главы I тома «Капитала». Мелкобуржуазная масса крестьян и ремесленников освобождалась тогда от феодальной зависимости, но в то же время она «освобождалась» и от средств производства. Маркс говорит, что история этой экспроприации мелкой буржуазии, «непосредственных производителей» — «вписана в летописи человечества пламенеющим языком меча и огня». Такова и вся эпоха. «Первоначальное накопление» — это завоевание, порабощение, разбой. Только таким путем и мог сложиться капиталистический строй: освобождая человечество от феодальных цепей, он ковал ему новые цепи наемного рабства. Мы знаем, что этот двойственный процесс был прогрессом по сравнению с феодальным строем; деятели этой эпохи были революционерами, творившими новый мир и творившими его не по собственной фантазии, а в силу исторической необходимости. Но это были буржуазные революционеры, провозвестники нарождающейся буржуазии. Для характеристики наиболее цельных представителей этой эпохи больше всего дают нам слова «Коммунистического манифеста»: «Буржуазия играла в истории в высшей степени революционную роль... Безжалостно разорвала она пестрые феодальные нити, связывавшие человека с его наследственными повелителями, и не оставила между людьми никакой связи, кроме голого интереса, бессердечного чистогана... Все сословное и неподвижное испаряется, все священное оскверняется, и люди вынуждаются, наконец, взглянуть трезвыми глазами на свои вза-

имные отношения и свое жизненное положение. Буржуазия все более и более уничтожает раздробление имущества, населения и средств производства. Она сгустила население, централизовала средства производства и концентрировала собственность в немногих руках. Необходимым следствием этого была политическая централизация. Независимые, связанные почти только союзными отношениями провинции, с различными интересами, законами, управлением и таможенным тарифом, сплотились в одну нацию, с единым правительством, единым законодательством, единым национальным классовым интересом и единой таможенной линией» *.

Макиавелли по-разному отразил эти черты своей эпохи, потому что тогда, когда он жил и действовал, в начале XVI века, далеко не все еще эти черты были осуществлены. Многие фигурирует у него еще только как программа, как тактический план. В его время каждое из крупнейших итальянских государств стремилось создать свое централизованное государство нового типа. На его глазах действовал знаменитый Цезарь Борджиа, герцог Валентино, который выдвинулся сначала как простой кондотьер, т. е. военный руководитель, в борьбе своего отца, папы Александра VI, против феодалов папской области, а потом занял фактически независимое от папы положение и, разгромив в целом ряде военных столкновений, а также при помощи всяческого обмана феодалов Средней Италии, пытался подчинить своей власти всю Италию. Эта попытка была неудачна, но она важна для нас потому, что у Цезаря Борджиа учился Макиавелли, состоя в 1502 г. послом при дворе герцога Валентино в Имоле, когда тот, разбитый феодалами и почти уничтоженный, собирал свои и союзные военные силы, чтобы затем одним ловким приемом уничтожить сразу всех своих опаснейших врагов при Синигаллии. Богатые торговые республики Италии оказались не в силах создать прочный демократический строй и образовать самостоятельно общее для всей Италии государство. Отсюда, естественно, возникла основная политическая идея Макиавелли, что для образования единого централизованного государства новейшего типа, для упрочения республиканского и демократического строя в этом государстве нужна какая-то сильная единоличная власть, революционная диктатура какого-то правителя, которого Макиавелли называет *il principe* («князь»). Этот диктатор должен быть вождем национальной (не наемной, как тогда было принято, а набран-

---

* К. Маркс, Ф. Энгельс. Коммунистический манифест. М.: Гиз, 1923. С. 64—66.

ной из своих граждан) армии; он должен окончательно разгромить феодалов, объединить все их владения в одно большое государство, установить в нем гражданское равенство, политическую свободу и демократические порядки. Но эта диктатура должна быть временной. Сделав свое историческое дело, диктатор должен уступить место избираемым на обычных демократических основаниях властям; эта временная «монархия» должна смениться республикой. Если же «монарх» не уступит, его должен свергнуть народ, уже созревший для нового политического строя.

Будучи республиканцем по своим программным взглядам, даже сторонником убийства монархов, Макиавелли считал необходимым, с точки зрения политической стратегии и тактики, учреждение единоличной власти, которая должна была, по существу говоря, быть не чем иным, как *буржуазной революционной диктатурой, переходной формой от феодального государства к государству капиталистической эпохи.*

Зачатки такой власти Макиавелли видит в попытках герцога Валентино и других подобных ему государственных деятелей создать государство нового типа.

С полным пренебрежением к феодальным, религиозным и нравственным понятиям он изображает нам, какими средствами пользовались эти крупнейшие политики его времени, огнем и мечом, грабежом и обманом сколачивая новое государство.

Как писатель чрезвычайно трезвый и реалистический, Макиавелли прекрасно понимал, что подобного рода диктатура — не идеальный строй, а неизбежная переходная форма. Хотя он всегда рекомендует прежде всего гуманные меры и лишь тогда, когда они недействительны, обращается к жестоким, однако он очень хорошо знает, что изображаемая им власть никак не может пахнуть розами.

Его обвиняли в безнравственности, рассматривали его как дурного советчика монархов, но он был только откровенен до цинизма и рисовал свою «монархию» такой, какой она на самом деле была. Недаром Ф. Бэкон сказал, что «мы должны быть благодарны Макиавелли и другим подобным писателям, которые, открыто и ничего не замаскировывая, изображали то, как люди обычно делали, а не то, как они должны были делать»*. В таком же духе приблизительно говорит о Макиавелли и Гегель:

---

* *Fr. Baconi. Operum moralium et civilium tomus. Tractatus de dignitate et augmentis scientiarum. L., 1638. P. 220.*

«В высшем смысле необходимости Макиавелли установил основные положения образования государств, по которым и нужно было образовать государства в тогдашних обстоятельствах. Отдельных феодалов и отдельные феодальные княжества (Herren und Herrschaften) нужно было окончательно подавить, и если с нашим представлением о свободе несовместимы те средства, которые он нам изображает как единственные, вполне оправдываемые обстоятельствами, в том числе беспощадное насилие, всякого рода обман, убийство и т. д., — тем не менее мы должны признать, что с (феодальными) династиями, которых надо было свергнуть, можно было покончить только такими средствами, потому что им была присуща неукротимая бессовестность и полная развращенность» *.

На этой стороне политической теории Макиавелли, которая нашла свое выражение главным образом в его книге «Il Principe», Маркс в своих выписках останавливается очень мало. В них отмечены преимущественно программные — республиканские и демократические — взгляды Макиавелли, его политические идеалы. С другой стороны, значительная часть этих выписок касается политики в ее связи с экономикой, экономическими интересами, отношениями классов. Здесь подчеркиваются некоторые стороны социологических воззрений Макиавелли.

І. МАКИАВЕЛЛИ И ФЕОДАЛЬНЫЙ СТРОЙ

Макиавелли — враг феодального строя. В своей «Истории Флоренции» (так высоко оцененной Марксом) он изображает нам, как в течение XIV столетия феодальная аристократия Флоренции была разбита в жестоких классовых столкновениях, много раз выливавшихся в уличные стычки и даже баррикадные бои, как, начиная с половины XIV столетия, у власти становится народ и государство реорганизуется на новых началах **. Крайне резко отзываясь о феодалах как о «тунеядцах», считая их антиобщественным элементом, крайне разложившимся и развращенным, Макиавелли иногда даже самый феодальный строй называет «честолюбивым тунеядством» ***.

* G.-W.-F. Hegel. Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte / hrsg. v. G. Lasson. Leipzig, 1920. Bd. IV. S. 864.

** История Флоренции. Конец II книги и начало III.

*** Макиавелли Н. Рассуждения на первую декаду Тита Ливия / русск. пер. под ред. Н. Курочкина. СПб., 1869. С. 120.

Отношение Макиавелли к феодалам выражено наиболее ярко в печатаемой ниже 12-й цитате Маркса из «Discorsi» *. Определяя феодальную знать как класс людей, которые, «не работая, живут богато от прибыли со своих владений», Макиавелли относится к ним с явным осуждением, прежде всего с точки зрения их роли в республике, т. е. в новом государстве и обществе. Они всегда вредны, особенно те из них, «у которых есть замки», т. е., иначе говоря, те, которые хорошо вооружены. Другой признак феодала тот, что у него есть «подданные, которые ему повинуются», — здесь разумеются феодально зависимые люди, подчиненные сюзерену в порядке феодальной службы. Благодаря этому феодалы крайне честолюбивы и развращены. Макиавелли считает особенно разложившимися итальянских феодалов, тех самых, которых на его глазах пачками истреблял Цезарь Борджиа. Французов он ставит выше; у них корона сильна, потому что обуздала феодалов **, но, тем не менее, он считает возможным сказать, что французы, испанцы и итальянцы — «развратители всего света». Феодалы ведут все время между собой мелкую внутреннюю борьбу — это знаменитая феодальная усобица. Поэтому там, где много феодалов, не может быть никакого порядка, мирное хозяйственное развитие невозможно. «Эта порода людей — заклятый враг всякой гражданственности» (это место подчеркнул Маркс в цитате из «Discorsi»).

В «Истории Флоренции» Макиавелли показывает нам, как борьба внутри феодальной аристократии тяжело отзывалась на государстве, как она обращалась порой в склоку двух каких-нибудь феодальных родов ***. В редких случаях, когда речь идет о реставрации власти феодалов, последние действуют объединенно ****.

Феодальные отношения служат необходимой основой старой феодальной монархии. Там, где царствует феодальная усобица, можно установить какой-нибудь порядок только путем прямого насилия; феодалов нельзя обуздать законами, тут нужна абсолютная и исключительная власть, т. е., как выражается Макиавелли, «рука короля». На этом вопросе Макиавелли останавливался в том месте «Discorsi», откуда Маркс взял 13-ю цитату.

* Там же. Кн. I. Гл. 55. С. 248.

** *Ritratti delle cose della Francia* (Описание положения дел во Франции). См.: *Opere di Niccolò Machiavelli cittadino e segretario Fiorentino*, Italia. 1813. Vol. IV. P. 133—134.

*** *Storie Fiorentine / Opere*. Vol. I. P. 66—69.

**** *Ibid.* Vol. I. P. 82.

В правильно организованном обществе нет места для феодальной аристократии. Со свойственной ему последовательностью Макиавелли делает вывод, что для основания республики в стране, где феодальная знать многочисленна, необходимо *совершенно истребить ее*.

По вопросу об отношении Макиавелли к самому яркому факту феодального строя — *католической Церкви, папству*, а затем и вообще к *христианской религии*, Маркс делает самую большую из печатаемых ниже выписок — 19-ю.

Макиавелли — враг папства. И несмотря на то, что папа Лев X заставлял играть для себя на сцене и во Флоренции, и в Риме комедию Макиавелли «Мандрагора», отнюдь не «божественного» содержания*; несмотря на то, что для папы Климента VII Макиавелли написал «Флорентийскую историю», а для того же Льва X записку о реформе государственного строя во Флоренции и т. п.**, папство было совершенно право, поместив (при папе Павле IV, в 1559 г.) сочинения Макиавелли в «Список запрещенных книг»***. Оно узнало в нем своего настоящего врага. Макиавелли — тройной враг папства: во-первых, он враг папы как гражданин Флорентийской республики, которой папа неоднократно и всякими способами вредил. Во-вторых, он враг католической Церкви, потому что она принесла огромный вред всей Италии. В защиту этого взгляда Макиавелли имеет много фактов, из них основными он считает два. Прежде всего, говоря его словами, «дурные примеры римского двора совершенно уничтожили всякую религиозность и набожность в нишей стране... Мы, итальянцы, обязаны прежде всего нашей Церкви и нашему духовенству тем, что затеряли религию и развратились». Затем «Церковь держала и держит нашу страну в несогласии... Причиной, почему Италия... не имеет общей республиканской или монархической власти, должно считать только Церковь»****. С точки зрения Макиавелли как политика, главная вина Церкви в том, что

* Это, между прочим, одна из первых реалистических комедий, чрезвычайно крупный вклад в историю итальянской литературы (есть русский перевод 1924 г.)

** Оба эти папы были из рода флорентийских купцов и правителей государства Медичи, и этим объясняется использование ими знаний Макиавелли.

*** Таким образом, имеющееся в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса полное собрание сочинений Макиавелли, издания 1550 г., принадлежит к числу книг, благополучно миновавших скорпионы папских агентов.

**** Рассуждения. Кн. I. Гл. 12. С. 159.

она мешает объединению Италии в одно национальное государство, т. е. стоит на пути той основной цели, которую преследовали крупнейшие деятели эпохи торгового капитализма. Церковь никогда не была настолько сильна, чтобы взять в свои руки всю Италию и сделаться в ней единодержавной, но в то же время она всегда соединялась с тем, кто боролся против другой усиливающейся в Италии и стремящейся к ее объединению власти*. Макиавелли разоблачает до конца папскую политику, заключающуюся в том, что папа всегда натравливает друг на друга наиболее сильные государства, чтобы затем самому вместе со своими союзниками напасть на того, кто победит, и разбить его**. Особенно подчеркивает Макиавелли в действиях пап их безжалостное и грабительское отношение к народу***. Поэтому он с полным одобрением описывает в «Истории Флоренции» (книга III) войну Флоренции против папы Григория XI. Для ведения этой войны были избраны восемь полномочных лиц; война велась с такой расчетливостью и смелостью и вызывала такое общее одобрение, что каждый год этих восьмерых переизбирали и считали их святыми, хотя они презирали папские отлучения, «грабили церкви и палками заставляли священников служить». «Очевидно, граждане, — замечает Макиавелли, — больше заботились о своем отечестве, чем о спасении своих душ».

Третья причина отрицательного отношения Макиавелли к папству — это то, что он видел в папстве наиболее яркое проявление феодального строя. Папы, их кардиналы и все духовенство вообще — это такие же тунеядцы, как светские феодалы, они такой же разлагающий элемент в обществе. Если в своих комедиях Макиавелли смеется над монахами и попами, как Боккаччо, если в своих исторических работах и дипломатических письмах он описывает характерные черты их жизни****, то в «Discorsi» он анализирует самое существо их идеологии, он подвергает критике само христианство. Вот это место, полное замечательных мыслей, одно из интереснейших мест во всех работах Макиавелли, Маркс выписывает целиком.

---

* Рассуждения. С. 159—160.

** Там же. Кн. II. Гл. 22. С. 330.

*** Там же. Кн. II. Гл. 24. С. 340.

**** В «Ritratti delle cose della Francia», говоря о «безмерных сокровищах», накопленных французским духовенством в церквях, монастырях и в собственных имениях, Макиавелли ссылается на природную жадность попов и монахов («*avara natura dei prelati e religiosi*»). См.: *Opere di Niccolò Machiavelli*. Vol. IV. P. 138.

Здесь Макиавелли сначала сравнивает христианство с язычеством. Языческая религия воспитывала в людях по большей части стремление к личной выгоде, храбрость и кровожадность, она обоготворяла полководцев и правителей; христианская же религия признает святыми главным образом людей смиренных, «более созерцательных, чем деятельных». Уже тут есть кое-что, не заслуживающее похвалы со стороны Макиавелли, сторонника именно деятельной жизни. Дальше он еще более ясно говорит, что, в то время как христианская религия полагает высшее благо в презрении к мирскому, в отречении от жизни, языческая полагала его «в величии души, в силе тела и во всем, что делает человека могущественным». Это уже почти полный список тех качеств, которые вся эпоха гуманизма считала идеальными для нового человека. И вполне естественно, что за этими словами следует уничтожающий приговор: «Наша религия, если и дает нам силы, то не на подвиги, а на терпение. Этот новый образ жизни, как кажется, *обессилил мир и предал его в жертву мерзавцам*» (курсив наш. — В. М.). Макиавелли — против терпения, проповедуемого католичеством, против непротivления злу, потому что всегда, когда люди готовы лучше переносить всякие обиды, чем мстить, «мерзавцам открывается обширное и безопасное поприще» *.

Макиавелли не думает, как будто бы, что это — органический недостаток христианства. Он считает виною этого католическое истолкование христианства. Идя тем же самым путем, как и вожди Реформации (основная часть «Discorsi» написана раньше Реформации в Германии), Макиавелли высказывается за очищение христианства от католических наслоений. Если такое очищение будет произведено, христианство будет учить граждан «любить и почитать отечество и готовить себя к тому, чтобы служить его защитниками».

В параллель этому мы приведем два других места из «Discorsi», где Макиавелли высказывается еще более ясно. В кн. I, гл. 12-й он говорит: «Если бы в христианском государстве сохранилась религия, основанная учредителем христианства, христианские государства были бы гораздо счастливее и более согласны между собой, чем теперь. Но как глубоко упала она, лучше всего показывает то обстоятельство, что народы, наиболее близкие к римской Церкви, главе нашей религии, оказываются наименее религиозными». И непосредственно за этим следуют слова, тоже как будто целиком проникнутые духом Реформации: «Если взглянуть

* См. ниже цитату 18.

на основные начала христианства и посмотреть потом, во что их обратили теперь, то нельзя сомневаться, что мы близки или к погибели, или к наказанию» *.

Одна реформа уже была. Ее произвели «святые» Франциск и Доминик, создав свои монашеские ордена. В кн. III, гл. 5-й «Discorsi» Макиавелли вскрывает смысл этой реформы и оценивает ее результаты. Реформа обновила христианство и сохранила католичество. Благодаря ей, говорит Макиавелли, «религия наша существует до сих пор, несмотря на порочность духовенства и глав ее». Но этой реформы мало, она только подкрепила Церковь, не искоренив ее недостатков. «Оттого духовенство бесчинствует, как только может, не боясь наказания, которого не видит над собой и которому не верит» **.

Мы видим, как здесь соединяются идеи гуманизма и Реформации, для того времени идеи передовые, означавшие радикальный разрыв с феодальным обществом и переход к новому капиталистическому строю. Но Макиавелли выдвигает реформу христианства по существу только как политическое мероприятие. В интересах нового государства нужна новая форма религии, которая бы лучше воспитывала граждан этого нового государства. Нужна, говоря словами Маркса, «буржуазная разновидность христианства» — протестантизм или что-нибудь вроде него.

В общем же и целом Макиавелли очень мало религиозен, его позиция вполне материалистическая, это — «перешедшее от арабов и питавшееся новооткрытой греческой философией жизне-радостное свободомыслие, подготовившее материализм XVIII столетия» (Энгельс — старое введение к «Диалектике природы»).

Маркс выписал эти места из «Discorsi», наверное, в связи с изучением эпохи Реформации в Германии, потому что в характеристике феодалов у Макиавелли есть такие черты, которые сохранились в новых формах в современной Марксу, еще не вполне расставшейся с феодализмом Германии.

II. МАКИАВЕЛЛИ И ГОСУДАРСТВО НОВОЙ ЭПОХИ

Другой ряд цитат затрагивает те части книги «Discorsi», где Макиавелли характеризует государство нового типа, беря за основу этого типа описанное Титом Ливием римское государство

* Рассуждения. С. 169.

** Там же. С. 370—371.

того времени, когда римская культура переживала тот же переход от своего феодализма к своему капитализму.

К этой теме относятся цитаты 4-я, 5-я, 7-я, 14-я, 15-я, 16-я, 17-я, 18-я, 21-я.

Как установить республику? В согласии с тем, что Макиавелли говорит о феодалах (в цитатах 12-й и 13-й), установить республику можно, только отняв власть у феодалов и при этом истребив их поголовно (см. цитату 14-ю). Только такое решение Макиавелли считал действительным, имея в виду упорство феодалов в борьбе за сохранение привилегий и за восстановление их господства.

В цитате 5-й он говорит о трудностях установления республиканского строя там, где народ привык жить под властью одного монарха. Тут, во-первых, ему все время грозит реставрация власти старого монарха или феодалов, во-вторых, сам он, не научившись еще жить в свободной обстановке, часто начинает делать глупости и вновь попадает в руки своих врагов.

Чтобы отдать дань монархическим церемониям, к которым народ привык, особенно если они связаны с религией, надо их сохранить и после свержения монарха, обратив их в республиканские церемонии (цитата 8-я).

Очень важным правом в республике Макиавелли считал, следуя примеру римлян, право публичного обвинения чиновников. В Риме каждый гражданин имел право обвинить любого чиновника в нарушении закона. Макиавелли считал это право особенно важным потому, что оно позволяет гражданам открыто высказывать свои взгляды на положение вещей в государстве и этим дает выход наружу возникающему недовольству против правительства. Такое право уменьшает клеветничество и отучает от ложных обвинений, так как клеветник легко обнаруживается при открытом разборе дела (сюда относится цитата 4-я).

Несколько выписок посвящены вопросу о простом народе, о характеристике народа вообще в сравнении с монархом и характеристике республики в сравнении с монархией.

Маркс выписал заглавие гл. 57-й из I книги «Discorsi»: «Простой народ в совокупности силен, а поодиночке слаб» (*la plebe insieme è gagliarda di per se è debole*) — в единении сила (см. цитату 15-ю).

Что касается отмеченных Марксом замечаний Макиавелли о народе вообще и его роли в государстве, то здесь прежде всего надо остановиться на сравнении народа и монарха. Это сравнение Макиавелли ведет в духе чисто республиканском. Прежде всего народ выше монарха в том отношении, что он лучше выбирает дол-

жностных лиц, чем монарх (см. цитату 16-ю). Народ относится серьезно к выборам, к оценке кандидатур на те или иные должности. Его никогда не убедишь, говорит там же Макиавелли, что полезно выбрать какого-нибудь подлеца и обманщика, в то время как очень легко убедить в этом государя. Этот пункт, с точки зрения Макиавелли, весьма немаловажен. Во многих местах своих сочинений Макиавелли рассматривает вопрос о подборе людей для занятия тех или иных ответственных постов в государстве. В «Il Principe» он уделяет этому вопросу почти целиком главу 22-ю этой книги.

В других отношениях народ также выше и достойнее государя. Если мы сравним народ и государя, не сдерживаемых никакими законами, то увидим, что народ в таком случае только неразумен, легкомыслен, а монарх обращается тогда в бешеного самодура. Если же мы сравниваем народ и монарха, подчиненных законам, то народ будет в нравственном отношении выше монарха. Когда оба они «распущены» (*sciolto*), у народа меньше ошибок, сами ошибки не так уж велики, да и средств исправления их гораздо больше. Народ, когда он волнуется, может легко поддаваться увещаниям любого хорошего человека, а с дурным монархом никто не может говорить и против него нет никакого другого средства, кроме как «железа». Последние слова Макиавелли Маркс подчеркнул (см. цитату 17-ю). Они, наверно, тоже легко могли быть приложены к современной Марксу Пруссии или к любому из многих немецких княжеств.

Макиавелли поясняет дальше свою мысль такими психологическими соображениями, на которые также обратил внимание Маркс. Ведь если народ делает глупости, то они опасны не тем, что они сами по себе вредны, а тем, что благодаря создаваемому ими беспорядку может появиться тиран. Если же эти глупости делает тиран, подданные боятся его, но надеются на то, что благодаря его гнусным поступкам его свергнут и восторжествует свобода (см. цитату 18).

Последняя цитата (21) относится также к вопросам республиканского строя. Она взята из 9-й главы III книги «Discorsi», которая является одним из замечательнейших мест всей этой работы Макиавелли. В этой главе он учит, как нужно «изменяться со временем, если хочешь всегда пользоваться счастьем». Люди должны приспособляться к происходящим в обществе изменениям. Иногда события требуют от политических деятелей крайней смелости и решительности, иногда, наоборот, величайшей осторожности и медленности. А так как у людей различный характер, то часто люди не могут следовать за меняющимися обстоятельства-

ми. В этом отношении республиканский строй также имеет огромное преимущество перед монархическим, так как он, применяясь к обстоятельствам, может менять своих вождей, выдвигая в нужный момент тех, которые больше всего для этого момента подходят. А поэтому и получается, что республика — более устойчивый строй, чем монархия: вследствие многообразия своих граждан она легко приспосабливается к многообразию событий, чего не может делать монарх.

Та же мысль подчеркивается цитатой 7-й.

Все эти выписки рисуют нам Макиавелли последовательным республиканцем.

III. КЛАССОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВА ПО МАКИАВЕЛЛИ

Последняя группа выписок Маркса относится к анализу общественных основ современного государства. Эти выписки представляют интерес не только для политика, но и для социолога. Чтобы вполне уяснить себе их смысл, надо иметь в виду те общественные отношения, изучение которых дало Макиавелли материал для его выводов. Это были отношения, складывавшиеся в наиболее экономически развитых торговых республиках того времени — Венеции и Флоренции. Изобразив в своей «Истории Флоренции» уничтожение господства феодалов, Макиавелли описывает затем новую борьбу внутри этих республик, причем соотношения классовых сил во Флоренции, в основном, складываются уже совершенно иначе. Образуются три силы. Первая из них — *grandi* («большие люди»), бывшая знать, сохранившая свое богатство, но потерявшая свою прежнюю власть и уже начавшая, до некоторой степени, сливаться с буржуазией. Вторая сила — *popolani nobili* («знатные горожане»), «*popolo grasso*» («толстый народ»), торговая и ростовщическая буржуазия, известные купеческие фамилии; это тоже своего рода аристократия, но сила ее не в «благородном» происхождении, не в обладании замками — сила ее в деньгах. К ним примыкают, занимая также весьма влиятельное положение в государстве, мастера ремесленных цехов (*principi delle arti*) и, по-видимому, даже целиком все наиболее привилегированные старшие цехи (*arti maggiori*). Третья сила — это простой народ — *la plebe* или *infima plebe*, который иногда называется у Макиавелли «*popolo minuto*» («мелкий народ»); это — главным образом ремесленники младших цехов (*arti minori*), подмастерья и ученики всех цехов.

Крестьяне во всей истории классовой борьбы во Флоренции, описанной Макиавелли, как будто отсутствуют. Мы встретили только одно ясное указание, что крестьяне были вовлечены в борьбу горожан. Это было во время столкновения между гвельфами и гибеллинами в самом начале XIV столетия. Крестьяне были привлечены к делу защиты республики и умиротворения враждовавших между собой феодалов*.

Постепенно выступает на первый план противоречие между экономически господствующим классом, капиталистами, и простонародьем. Начинается борьба. Буржуазия держится за власть. Будет ли это власть какого-нибудь правителя республики, вроде Козимо Медичи, первого банкира Европы, или какого-нибудь Совета Десяти, или демократии, при которой народ голосует за того же Медичи и его компаньонов — это все равно. Принадлежа по своему классовому положению к *popolani nobili*, Козимо Медичи выдвинулся как сторонник «мелкого люда»; он умел управлять при помощи всеобщего голосования, когда «избирательные урны были полны записок с именами его друзей». Но потом, укрепив свое положение, он поручил избранному народом гонфальоньеру — «блюстителю закона» — собрать на площадь простой народ, окружить его вооруженной силой и заставить вынести те решения, которые он, Медичи, и его сторонники считали нужным провести в жизнь**. С точки зрения господствующего класса можно было вводить любую демократию, лишь бы она оставляла в неприкосновенности его власть. Если же это никак не удастся, можно пойти и на единоличную власть Медичи, лишь бы он отстаивал интересы господствующего класса.

Макиавелли приводит много образцов демагогии буржуазии, ее умения обманывать простой народ, привлекая его разными обещаниями, громкими титулами избираемых им властей, народными праздниками и т. д.

Что касается простонародья, то оно искренне стремится к полной, не формальной только, а фактической демократии, но обычно оно оказывается мало способно управлять. Простой народ чувствует «ненависть к богатым гражданам и главам цехов»***, но он беден, измучен налогами и назойливостью власть имущих. Его положение иногда таково, что ему становится все равно, грабят ли его свои соотечественники или иностранцы. Тем не менее,

---

* *Storie Fiorentine*. Vol. I. P. 87, 88.

** *Ibid.* Vol. II. P. 146.

*** *Ibid.* Vol. I. P. 164.

бывают моменты, когда он добивается власти. Так было во Флоренции в 1378 г., во время так называемого восстания чомпи.

Макиавелли описывает движение ремесленников, разработку их требований, подготовку выступления, ночные собрания, агитационные речи, наконец, само восстание и захват власти партией младших цехов во главе с рабочими шерстяных мануфактур и мастерских. С 1378 по 1381 г. продолжалось господство простонародья, а затем к власти вернулись вновь буржуазные элементы. Все это движение Макиавелли описывает как будто объективно, но на самом деле он относится отрицательно к господству простого народа, так как оно неизбежно приводит к устранению от власти капиталистов, «богатых граждан», а без их участия государство не может быть хорошо устроено. В то же время он — противник власти Медичи, представляющей собой олигархию. Отсюда склонность Макиавелли к «умеренной демократии». Только из известного равновесия двух классов — капиталистов и простонародья, на основе противоречия их интересов, рождаются настоящие республиканские вольности, создается такая система противовесов, благодаря которой человек сохраняет в республике свою гражданскую свободу. Правда, для этого нужно известное экономическое поравнение. Но его можно закрепить тоже только в республике. Там, где неравенство слишком велико, феодалы сохраняют свое влияние, и это создает благоприятную почву для монархии. Если монарх захватит власть в республике, где господствовало известное равенство, и захочет закрепить за собой эту власть, он должен наделить имуществом своих сторонников и создать из них новую служилую знать, иначе он не будет иметь опоры в народе, привыкшем к равенству и свободным учреждениям. В правильно построенном государстве простой народ не должен быть угнетен. Наоборот, когда какой-нибудь правитель хочет создать такое государство, он должен ориентироваться на народ, и именно на простой народ, так как только последний составляет большинство и хочет немногого. Такому правителю не следует рассчитывать на «больших людей»; их огромные аппетиты он никогда не удовлетворит, и всегда часть этих людей будет против него.

Все эти выводы Макиавелли получил не только из фактов истории Флоренции, но изо всех данных, которыми он располагал на основании изучения государств античного мира и своего широкого практического опыта.

Поэтому в предисловии к «Истории Флоренции» он считает главным недостатком своих предшественников (Леонардо Аретино и Поджио Браччолини) то, что они недостаточно выясняют

«гражданские несогласия», «раздоры», «ненависть», «разделение», которые возникают внутри каждого государства между различными классами и группами его граждан. Он ставит своей основной задачей в «Истории Флоренции» вскрыть причины этих «гражданских несогласий», изображая последовательно противоречия внутри феодалов, между феодалами и народом вообще, наконец, внутри самого народа, между его высшим и низшим классом.

Так подходит Макиавелли к вопросу о классовом содержании государства. К этой теме относятся из печатаемых ниже выписок Маркса следующие: 1-я, 2-я, 3-я, 6-я, 9-я, 10-я, 11-я.

1-я цитата выражает тот взгляд Макиавелли (впоследствии развитый Вико в его «Новой науке»), что в Риме борьба между патрициями и плебеями была причиной свободы граждан, и делает вывод, что во всякой республике есть два различных направления (*duoi umori diversi*) — одно простого народа, другое господствующего класса, и все законы в пользу свободы возникают из этого разделения.

2-я цитата подчеркивает, что в основе политической борьбы лежит борьба за собственность. В политической борьбе наиболее активны собственники (*chi possiede*); они боятся потерять свою собственность под давлением народа, который желает ее приобрести. Тут ярко выступает экономическое объяснение политической борьбы, которое мы не раз встречаем в сочинениях Макиавелли.

3-я цитата оценивает мифическое законодательство Ликурга, разрешившего, якобы, задачу создания устойчивого государства. Тут интересна мысль о том, что для укрепления республики Ликург установил равенство имущества (*egualità di sustanze*).

6-я цитата развивает ту же мысль, что и 3-я, но только в перевернутой форме: развращение и неспособность к свободной жизни происходят от гражданского неравенства. Тут же подчеркивается, что в государстве, где все это налицо, нужны самые крайние меры (*grandissimi straordinarii*) для восстановления равенства, т. е. подчеркивается значение революционных средств.

9-я цитата должна была бы начинаться с той фразы, которая у Макиавелли стоит прямо перед словами, выписанными Марксом. Эта фраза такая: *«Люди ценят больше имущество, чем почести»*. Затем следует ссылка на римскую практику борьбы патрициев с плебеями, говорящая, что патриции всегда уступали без особой борьбы плебеям различные почести, но, когда дело коснулось их имущества, они защищали его крайне упорно.

10-я цитата касается того места в «Discorsi», где Макиавелли, следуя за Титом Ливием, разбирает неправильную тактику римского деятеля времен борьбы плебеев с патрициями — Аппия, который оперся не на народ, а на аристократическую партию.

11-я цитата выражает тот же круг мыслей в интересном афоризме. Макиавелли приводит здесь слова неаполитанского короля Фердинанда Арагонского, который говорил, что люди, как маленькие хищные птицы, так увлекаются ловлей своей добычи, что не замечают подстерегающей их более крупной хищной птицы. Этот афоризм дает прекрасное изображение капиталистической конкуренции, где хищник побивает хищника.

IV. ТИРАНОБОРЧЕСКИЕ ИДЕИ МАКИАВЕЛЛИ

В своих сочинениях Макиавелли не раз описывает заговоры. В «Discorsi» есть большая глава (6-я глава III книги), посвященная специально заговорам. В ней Макиавелли суммирует все свои знания, а отчасти и свой практический опыт * в этой области. Его родная Флоренция считалась ненавистницей тирании как у себя дома, так и у соседей; вполне естественно поэтому, что многие из ее политических деятелей были сторонниками заговорщической тактики против тиранов и монархов всякого рода. Когда Макиавелли было девять лет, один из правителей Флорентийской республики, Джулиано Медичи, был убит в церкви, а другой — Лоренцо — ранен в результате заговора Пацци. Во время похода французов в Италию Медичи были свергнуты, была восстановлена демократия, с которой и связал всю свою жизнь и деятельность Макиавелли. Когда Медичи вернулись обратно, Макиавелли подвергся аресту, пытке (6 ударов плетью) и высылке из Флоренции. Он принял участие в неудавшемся заговоре против Медичи, после чего и пытался, без особого, впрочем, успеха, с ними примириться. Описывая организацию и технику заговоров, Макиавелли считает их чрезвычайно рискованным средством борьбы и во всяком случае таким, которое требует исключительных условий для достижения успеха.

Поэтому в большинстве случаев выгоднее открытое, решительное и смелое выступление против тирана. Но для этого нужно опираться на достаточную силу. Если же ее нет, тогда приходится идти путем заговора.

---

* Он два раза обвинялся в заговорах против господствовавшей во Флоренции буржуазной олигархии.

Правила конспирации Макиавелли преподает, между прочим, также и в III книге «Discorsi», в главе 2-ой под остроумным заголовком: «Как умно иногда притвориться дураком».

«Надо всячески стараться войти к монарху в милость, надо не пропускать ни одного случая, удобного для этой цели, надо делить с ним все его удовольствия и, если он развратничает, служить ему товарищем по разврату...» Это предохранит жизнь заговорщику и поможет ему «достигнуть своей цели, низвергнув монарха при удобном случае»*. Сюда и относится приводимая ниже 20-ая цитата Маркса из «Discorsi», заключающая в себе еще несколько полезных правил конспирации, применявшихся в то обильное революционными потрясениями время.

Мы видим, таким образом, что Маркс извлек из «Discorsi», несомненно, интересный и значительный материал. Хотя цитаты, выписанные Марксом, не захватывают всех основных идей Макиавелли, но они могут служить основой для изучения некоторых сторон политических и социологических взглядов этого крупнейшего политического писателя своей эпохи, у которого и в наши дни есть чему поучиться.

ВЫПИСКИ ИЗ СОЧИНЕНИЙ МАКИАВЕЛЛИ

1

...Я нахожу, что осуждать столкновения между аристократией и народом значит порицать первые причины свободы Рима; это значит обращать больше внимания на ропот и крики, возбуждаемые этими столкновениями, чем на полезные их последствия. Рассуждающие таким образом не видят, что в каждой республике всегда бывают два противоположных направления: одно — народное, другое — высших классов; из этого разделения вытекают все законы, издаваемые в интересах свободы.

(С. 132)**

* Рассуждения. С. 372.

** Выписки приведены по русскому переводу под ред. Курочкина (*Макиавелли Н. Государь. Рассуждения на первые три книги Тита Ливия.* СПб., 1869). Текст Курочкина был нами несколько исправлен. Подлинные выписки сделаны Марксом из немецкого издания: *Niccolo Machiavelli's Sämmtliche Werke / übers. v. Joh. Ziegler. Bd. I. Karlsruhe, 1832. — В. М.*

2

...Очевидно, однако, что перевороты чаще вызываются людьми состоятельными, потому что страх потери порождает в них те же страсти, которыми одержимы стремящиеся к приобретению.

(С. 136)

3

...Ликург своими законами установил в Спарте большее равенство имуществ и меньшее равенство положений.

(С. 138)

4

...Людей обвиняют в судах, перед народом, перед советом; клеветают же на них на улицах и площадях.

(С. 146)

5

Бесчисленные примеры из древней истории доказывают, как трудно народу, привыкшему жить под монархической властью, сохранять потом свободу, если он приобрел ее по какому-нибудь случаю, как приобрел ее Рим по изгнании Тарквиниев. Трудность эта понятна; потому что такой народ не что иное, как грубое животное, которое, хотя свирепо и дико, но вскормлено в тюрьме и в рабстве. Если его вдруг выпускают на свободу в поле, то оно, не умея найти ни пастбища, ни пристанища, становится добычей первого, кто захочет вновь им овладеть.

(С. 167)

6

...Развращение и малая способность к свободной жизни происходят от гражданского неравенства, а для восстановления равенства необходимы самые крайние меры.

(С. 172)

7

...Пока Римом правили цари, ему постоянно грозила опасность упадка при правителе слабом и порочном.

(С. 179)

8

...Кроме того, в Риме ежегодно совершалась одна религиозная церемония, которую мог совершать только сам царь; когда царей не стало, римляне заботились, чтобы народ не пожалел из-за этого о каком-нибудь из древних обычаев; поэтому они учредили должность председателя этой церемонии, назвав его царь-жрец и подчинив его верховному первосвященнику.

(С. 187)

9

...Римская аристократия всегда без особенного сопротивления уступала народу почести; но когда дело коснулось имуществ, она стала защищать их так упорно (что народу для удовлетворения своего желания пришлось прибегать к чрезвычайным мерам)*.

(С. 212)

10

...Хотя знатные любят властвовать, но та часть знати, которая не участвует в тирании, всегда враждебна тирану, и он никогда не может вполне расположить ее к себе.

(С. 221)

11

...Люди, говорил король Фердинанд, похожи на мелких хищных птиц, которые так увлекаются преследованием добычи, что не замечают, как на них готовится кинуться и убить их другая, более сильная, птица.

(С. 223)

12

Чтобы объяснить, кого я разумею под именем, *дворян***, замечу, что дворянами называются люди, праздно живущие обильными доходами со своих владений, не имея нужды заниматься земледелием или вообще трудиться, чтобы жить. Люди эти вредны во всякой республике и во всякой стране; из них особенно вред-

---

* Взятое в скобки опущено Марксом.

** Подчеркнуто Марксом.

ны те, которые имеют сверх того замки и покорных подданных. Королевство неаполитанское, Римская область, Романья и Ломбардия полны подобными людьми. В таких странах не может быть ни республики, ни вообще какой бы то ни было политической жизни, потому что эта порода людей — *заклятый враг всякой гражданственности* *.

(С. 248)

13

... Там, где общество настолько развращено, что его нельзя обуздать законами, нужна более действительная сила, т. е. рука короля.

(С. 248)

14

... Тот, кто хочет основать республику в стране, где много дворян, не сможет этого сделать, если сначала не истребит их всех; с другой стороны, тот, кто хочет основать королевство или княжество там, где господствует равенство, не сможет этого сделать, если не нарушит равенства, возвысив значительное число людей честолюбивых и беспокойных, сделав их дворянами, и притом не номинально, а действительно, дав им замки и владения, привилегии, богатство и подданных, так, чтобы, стоя посреди них, он при их помощи сохранял свою власть, а они при его помощи удовлетворяли бы свое честолюбие.

(С. 249)

15

Народ в совокупности силен, а в отдельности слаб.

(С. 251)

16

... Также при выборе чиновников народ действует гораздо удачнее государя.

(С. 256)

---

* То же.

17

...Государь, имеющий возможность делать все, что ему вздумается, превращается в бешеного самодура, а народ, могущий делать, что хочет, только неразумен. Поэтому, если сравнить государя и народ, связанных законами, видишь, что народ лучше; точно так же и не связанный законами народ реже впадает в ошибки, чем государь; сами ошибки его меньше, и средств к их исправлению больше. Это потому, что распущенный и бунтующий народ легко может поддаться уговорам хорошего человека и возвратиться на правильный путь, а с государем *дурным никто не может говорить, и против него нет никакого средства, кроме железа* *.

(С. 257)

18

...Когда народ предается своеволию, то боятся не тех безумств, которые он творит, и страшатся не того зла, которое он может наделать в настоящую минуту, а того зла, которое может возникнуть впоследствии оттого, что во время таких смут может появиться тиран. Иное дело с дурным правителем; тут все боятся зла в настоящем, а на будущее время надеются, что его дурная жизнь приведет к восстановлению свободы.

(С. 257)

19

Размышляя о том, почему в древние времена народы были больше нашего преданы свободе, я прихожу к убеждению, что это зависит от той же причины, по которой нынешние люди менее сильны: это, мне кажется, зависит от разницы воспитания, которая в свою очередь проистекает от различия религии, древней и нашей. Наша религия показывает нам истину и правильный путь жизни, чем заставляет меньше ценить мирские выгоды, а так как язычники их очень ценили и видели в них свое высшее благо, они в своих поступках были более жестоки, чем мы. Это можно видеть по многим обычаям древних, начиная с великолепия их жертвоприношений и скромности наших, в которых обряды отличаются больше чувством, чем великолепием, и не имеют в себе

---

* Подчеркнуто Марксом.

ничего жестокого и возбуждающего храбрость. Обряды их были пышны и торжественны, но сопровождалась кровопролитием и жестокостями; они убивали множество животных, и эта ужасная бойня возбуждала кровожадность людей. Кроме того, древняя религия боготворила только людей, покрытых мирской славой, как например, полководцев и правителей государств. Наша религия признает святыми большею частью людей смиренных, более созерцательных, чем деятельных. Наша религия полагает высшее благо в смирении, в презрении к мирскому, в отречении от жизни, тогда как языческая религия полагала его в величии души, в силе тела и во всем, что делает человека могущественным. Наша религия, если и желает нам силы, то больше не на подвиги, а на терпение. Этот новый образ жизни, как кажется, обессилил мир и предал его в жертву мерзавцам. Когда люди, чтобы попасть в рай, предпочитают скорее переносить побои, чем мстить, мерзавцам открывается обширное и безопасное поприще.

(С. 272—273)

20

Стало быть, надо притвориться дураком, как Брут. Притворство это именно в том и состоит, чтобы хвалить, утверждать, рассуждать, поступать против того, что думаешь, с целью подольститься к государю.

(С. 373)

21

...Республика имеет больше жизненных элементов и пользуется дольше счастьем, чем монархия, так как она, имея граждан различного характера, может лучше приспособляться к различным обстоятельствам времени, чем государь.

(С. 405)

